

ОСНОВЫ СВОЕОБРАЗИЯ РУССКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Г. В. Плеханов глубоко проанализировал основы своеобразия русской педагогической мысли и просвещения: сословно-классовый характер образования — игнорирование всеобщности просвещения, монополию на него имущих классов, непреодолимые барьеры, делавшие даже элементарное образование недоступным для широких слоев населения, особенно крепостного крестьянства, отсутствие единства — преемственной связи системы народного образования, крайнее ограничение учебных планов и программ школ для низших сословий, закрывающее трудящимся путь к среднему и высшему образованию, ограничение прав на образование для малых наций, всеобщее равнодушие к учебе даже в тех слоях населения, которым государство предоставляло широкие возможности образования, полное невнимание к делу воспитания и образования женщин, равнодушие правящих кругов к просвещению и такие тормозящие его развитие меры, как запрещение приема в средние учебные заведения детей трудящихся, политика русификации малых наций, запрещение обучения на родном языке и т. д.

Плеханов широко рассмотрел взгляды русских и зарубежных мыслителей на различия между Россией и западноевропейскими странами в социально-экономическом отношении и в развитии просвещения. Особенно он заинтересовался перспективами русского просвещения и причинами, которые вызвали интерес России к западноевропейскому просвещению.

Исходя из основного положения исторического мате-

риализма о том, что ход развития общественной мысли определяется ходом развития общественной жизни, очерку истории русской общественной мысли Плеханов предпослал несколько соображений о ходе развития русских общественных отношений.

Рассматривая сходство и различия между историей России и историей стран Западной Европы, Плеханов отмечает, что интерес историков и социологов к этому вопросу замечается с первой половины прошлого столетия. Он анализирует взгляды деятелей 40-х годов XIX в. и приходит к выводу, что спорившие стороны одинаково признавали абсолютную самобытность истории России¹. В статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский одним из «величайших умственных успехов» того времени считал всеобщее признание того, что, в отличие от западноевропейских государств, Россия имеет совершенно своеобразную историю.

Плеханов замечает, что этот взгляд крайнего западника с удовольствием могли разделить и крайние славянофилы. Однако Белинский на этом не остановился. Он признавал, что пути развития общественной жизни России и западноевропейских государств совершенно различны, но вытекающие отсюда теоретические и практические выводы, к которым пришли Белинский и его единомышленники, прямо противоположны взглядам славянофилов.

По вопросам сходства и различий между историей России и историей стран Западной Европы к концу прошлого столетия между историками и социологами уже не было единства.

П. Миллюков в опубликованном в 1896 г. труде «Очерки истории русской культуры» в сущности повторил бытовавший в 40-х гг. взгляд на полную историческую самобытность России.

Павлов-Сильванский решительно выступил против утвердившегося в науке взгляда на полное своеобразие русского исторического процесса. Однако, по справедливому замечанию Плеханова, там, где отсутствует коренное несходство, может быть наличие несходство второстепенное, т. е. отрицание Павловым-Сильванским

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 9.

полного своеобразия не исключает относительного своеобразия русского исторического процесса¹.

Плеханов отмечает, что Россия, подобно Западной Европе, прошла фазу феодализма. Ту же фазу в свое время прошли культурные страны Востока. Поэтому мы уже не имеем никакого права толковать о полном своеобразии, например, египетского исторического процесса сравнительно с французским. Однако это не значит, что эти два процесса мы можем объявить тождественными. Ход общественного развития древнего Египта во многом не похож на ход общественного развития Франции. То же самое следует сказать, сравнивая процесс исторического развития Франции и России².

Плеханов подчеркивает, что нельзя даже говорить о полном своеобразии русского исторического процесса, что социология вообще не знает такого своеобразия, однако, не будучи совершенно своеобразным, некоторыми весьма важными чертами он все-таки отличался от французского. Плеханов добавляет, что в историческом процессе России имеются особенности, которые заметно отличают его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминают процесс развития великих восточных деспотий. Дело усложняется еще и тем, что эти особенности сами переживают довольно своеобразный процесс развития, то увеличиваются, то уменьшаются, вследствие чего Россия как бы колеблется между Западом и Востоком. Этих особенностей в Киевский период истории России было меньше, чем в Московский период.

Всему этому Плеханов придавал огромное значение для всестороннего выяснения особенности Российского исторического процесса и ошибку Павлова-Сильванского видел в том, что он не учел этого.

Тут же Плеханов определяет, как надо пользоваться сравнительным методом, и разъясняет, что, отмечая черты сходства, необходимо отметить и черты различия изучаемых процессов. По справедливому замечанию Плеханова, кто не обращает на это должного внимания, тот неправильно пользуется сравнительным методом.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

Плеханов заключает: «... историк русской общественной мысли, отвергая, как совершенно устаревшее, учение о полном своеобразии русского исторического процесса, ни в каком случае не может закрыть глаза на его относительное своеобразие. Ведь ясно, что именно здесь, именно в этом относительном своеобразии, в этих второстепенных, но все-таки очень важных особенностях русского общественного развития и надо искать объяснения своеобразных черт, наблюдаемых в ходе нашего умственного развития и в нашем так называемом духе»¹.

Перспективой русского просвещения заинтересовались зарубежные и русские мыслители. В связи с этим ставилось два вопроса: первый — желательна ли европеизация России и второй — способна ли Россия усвоить западноевропейскую цивилизацию.

Плеханов рассматривает высказанные в связи с этим взгляды и отмечает, что на первый вопрос почти все французские просветители отвечали положительно. Исключением являлся Руссо, который вообще имел особое мнение о цивилизации. В частности, относительно России он развивал ту странную мысль, что ко времени Петра I русский народ еще не созрел для усвоения плодов цивилизации, и потому его следовало не цивилизовать, а лишь приучать к военным действиям; но так как Петр I поступил наоборот, то русские никогда не сделаются действительно цивилизованными.

На второй вопрос французские просветители не дают ясного ответа. Они скептически смотрят на будущее русского просвещения, так как основной силой цивилизации они считали третье сословие, которого в России не существовало².

Основой скептического отношения к перспективе усвоения Россией западноевропейской цивилизации является большое различие между уровнем общего развития России и передовых стран Западной Европы.

Плеханов отмечает, что необходимость овладения техническими знаниями, перед которой стояла Россия во времена Петра I, для передовых стран Западной Европы была давно пройденным этапом. Основной заботой

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 13.

² Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 192—193.

французской философии в то время было общественное преобразование.

Иное положение было раньше, в XVII веке. По мнению Декарта, главное преимущество французской философии XVII века, в сравнении с философией средних веков, состояло в том, что она способна «сделать нас господами и обладателями природы». Плеханов замечает, что вопросы общественного устройства мало интересовали Декарта. То же следует сказать и об английской философии XVII века, главной задачей которой также являлось обеспечение господства человека над природой и роста имеющихся в распоряжении человека производительных сил.

На интересы роста производительных сил в Англии и Франции первой половины XVII века Бэкон и Декарт отозвались тем, что придавали своей философии новое направление, а это произвело весьма благотворное влияние на естественные науки и с их помощью — на технику.

Одним словом, способствовать росту производительных сил и распространению технических знаний — задача, которая встала перед Россией в XVIII веке, в Западной Европе считалась главной задачей в XVII веке. Именно это имел в виду Плеханов, когда заявил, что западноевропейские мыслители XVII века и просветители России XVIII века назначение философии рассматривали с утилитарной точки зрения. С точки зрения непосредственной практической пользы рассматривали просвещение Петр I и его единомышленники. У Западной Европы они учились с целью как можно более увеличить запас технических знаний. Эта точка зрения должным образом отразилась в рассуждении В. Н. Татищева о пользе наук и училищ.

Рост производительных сил повлиял на внутренние отношения передовых европейских обществ. За этим последовал рост значения третьего сословия. А так как новой роли третьего сословия не соответствовали старые общественные отношения, оно захотело уничтожить их. Это стремление третьего сословия выразилось в разработке освободительной философии XVIII века, основной задачей которой являлось переустройство общества в соответствии с уровнем развития производительных сил.

Плеханов отмечает, что реформы Петра I значительно повлияли на развитие производительных сил России и обеспечили гораздо более быстрый их рост сравнительно с дореформенным периодом. Однако этот процесс все же не был настолько быстрым, чтобы в России XVIII века поставить вопрос о свержении общественного порядка. Ни один общественный слой тогдашней России не был заинтересован в больших и важных общественных преобразованиях.

В XVIII в. в России существовало много обстоятельств, препятствовавших развитию свободной политической мысли. Плеханов называет несколько из них, например, безграмотность. Он отмечает, что тогда в России даже среди дворянства, которое считалось самым образованным сословием, очень немногие были грамотными. Антогонизм между крестьянством и служилым сословием Плеханов считал фактором тормозящим развитие свободной политической мысли. Влияние французской просветительской философии не коснулось и русского купечества и промышленников, которым, сравнительно с другими социальными слоями, казалось, ближе должна была быть идеология третьего сословия. Это сословие и не думало об изменении общественного строя. Образованные представители дворянства с удовольствием читали Вольтера и других французских просветителей, однако дворянство как социальный слой никак не могло увлечься тем, что составляло живую душу освободительной философии. «Живая душа» этой философии состояла в стремлении к уничтожению всевозможных сословных привилегий и к созданию для трудящихся свободных условий жизни.

Дворянство же, читая французских просветителей, заботилось лишь об одном — уберечь крепостнический строй от вредного влияния идей Французской революции.

Крестьянство, ненавидя крепостников, время от времени восставало, но было очень слабо и неразвито, чтобы помышлять об изменении общественного строя.

Распространившийся в России мистицизм, который сильно мешал развитию свободной политической мысли, ставил перед собой цель ослабить влияние французской философии. Среди проповедников мистицизма в России

Плеханов называет обрусевшего трансильванского немца Иогана Георга Шварца (1751—1784 гг.), верного последователя знаменитого немецкого мистика Якова Бёма. В 1776 г. князь И. С. Гагарин пригласил Шварца гувернером к детям А. М. Рахманова. Через три года, в 1779 г. Шварц переехал в Москву и был назначен экстраординарным профессором кафедры философии. Шварц с позиции мистицизма толковал взгляды Гельвеция, Руссо, Спинозы, Ла-Меттри и др. Он имел сильное влияние на студенческую молодежь.

Плеханов анализирует лекции Шварца по записям студентов и отмечает, что в них ясно видно отрицательное отношение известного мистика к общественно-педагогическим взглядам Гельвеция.

Шварц утверждает соображения Гельвеция о том, что религия имеет незначительное влияние на добродетель народа, все в этой области зависит от мудрости его законов. Он доказывает обратное и отмечает, что законы могут принудить человека быть граждански добрым, но не могут сделать его чистым сердцем, ибо последнего может достичь только религия.

В этом Плеханов видит глубокий консерватизм мистиков и отмечает: «Убеждение в том, что прогресс общественной нравственности предполагает усовершенствование общественного строя, располагает людей к общественным реформам. Наоборот, вера в то, что добродетель состоит в чистоте сердца и зависит от «святости религии», делает их равнодушными к подобным реформам»¹.

Плеханов отмечает, что Шварц был энергичным пропагандистом. Он организовал семинар по вопросам перевода с иностранных языков на русский и создал кружок, в котором студенты читали свои произведения. Студенты выполняли значительную роль в распространении мистицизма и в борьбе против передовой французской философии. Шварц не довольствовался учащейся молодежью и стремился распространить свое влияние на более широкие слои населения.

Плеханов заключает: «Когда Шварца называют ревнителем просвещения, то забывают, что «просвещение»,

к которому он стремился, на самом деле являлось мрачной и свирепой реакцией против просвещения XVIII века. И чем планомернее, чем настойчивее и самоотверженнее была его деятельность, тем больше вреда приносила она только что начавшемуся европеизоваться русскому обществу»¹.

Плеханов выявляет ущерб, нанесенный розенкрейцерам общественной жизни России, и доказывает необоснованность признания деятельности Шварца полезным явлением. Он считает, что «о просветительском значении розенкрейцера можно говорить только злоупотребляя термином: просвещение»².

Это лишает всякого основания утверждение, что розенкрейцера в России сыграли значительную просветительскую роль. Такую роль не могло выполнить явление, которое в действительности определяло умственную отсталость народа.

Интересные соображения были высказаны о перспективах развития отсталых стран. Многие считали, что Россия, как отсталая страна, имела полную возможность свободного выбора желаемой формы дальнейшего развития.

Западников и славянофилов одинаково привлекала возможность свободного выбора желаемой формы будущей жизни страны.

Внимание Плеханова привлекают взгляды П. Я. Чаадаева, которых он касается в рецензии на посвященную жизни этого деятеля книгу М. Гершензона.

Чаадаев писал: «...счастлив народ, родившийся поздно: он наследует все сокровища, накопленные человечеством; он без труда и страданий приобретает средства материального благосостояния, средства умственного и даже нравственного развития, добытые ценою бесчисленных ошибок и жертв, и даже самые заблуждения прошедших времен могут служить ему полезными уроками»³. Подобной страной Чаадаев считал «во многих отношениях» намного более молодую, сравнительно с Европой, Россию, которая, подобно Северной Америке,

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 263.

² Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 265.

³ Г. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 16.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 258.

могла даром наследовать богатство европейской культуры. Он отмечал, что в этом наследстве «истина смешана с заблуждением» и Россия получает возможность отбросить все дурное, приняв все доброе¹.

В письме к А. И. Тургеневу Чаадаев писал: пройдет немного времени, и великие идеи найдут в России более удобную почву, чем в других странах, так как здесь они не встретят ни закоренелых предрассудков, ни старых привычек, ни упорной рутины, которые могли преградить путь их существованию.

Плеханов отмечает, что та же мысль повторяется в «Апологии сумасшедшего». Здесь Чаадаев говорит: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество².

По этому поводу Плеханов пишет: «Если читатель припомнит совсем еще недавние рассуждения наших народников и субъективистов о возможном экономическом будущем России, то он увидит, что в них было очень мало нового: та же уверенность в том, что Россия «имеет полную свободу выбора»; то же убеждение в том, что «полная свобода выбора» является плодом нашей отсталости; наконец, те же ссылки на Петра великого, будто бы показавшего нам своим примером, что у нас в самом деле есть эта свобода выбора»³.

Плеханов указывает, что французские просветители XVII века в объяснении исторического процесса были идеалистами, однако по теоретическим основам своего мировоззрения они приближаются к материализму, что определенным образом повлияло и на их проникнутые идеалистическим духом исторические взгляды.

Известно, что французские материалисты отвергли основное положение исторического идеализма — «мнения правят миром». Они доказывали, что чувствами и взглядами людей управляют географическая и общественная среда.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 16—17.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 17.

Из взглядов французских просветителей Плеханов выделяет элементы материализма, которые имели известное влияние на развитие русской общественной мысли. Таков взгляд, который все главнейшие особенности характера данного народа и его общественного строя объясняет действием климата: при одном климате возможны только большие деспотические государства, при другом — только республики вроде древнегреческих.

Именно в этом Плеханов видит элементы материализма. Однако он считает необходимым учитывать то, что общественный человек зависит от «климата» не непосредственно: «климат» влияет на человека через посредство общественных отношений. Свойства данной географической среды замедляют или ускоряют развитие производительных сил. Плеханов отмечает, что сторонники теории «климата» совершенно упускали из виду это обстоятельство и тем самым возвращались на позиции исторического идеализма.

Вольтер справедливо указал на то, что в географической среде, которая не претерпела никаких существенных изменений, с течением времени могут произойти существенные изменения общественного и политического строя, что никак нельзя объяснить действием «климата». Однако вслед за этим Вольтер доходит до известной идеалистической теории, по которой главным двигателем исторического процесса объявляются «мнения». Плеханов отмечает, что великих людей, особенно обладающих политической властью, Вольтер признавал самыми влиятельными представителями главного двигателя прогресса — «мнений». Он считал их не только наиболее влиятельными представителями «мнений», но и их создателями. По мнению Вольтера, «действуя на исторической сцене в роли основателей религиозных учений, учителей нравственности, законодателей и вообще руководителей народной массы, великие люди направляют ход истории в ту или в другую сторону».

«Вольтер не был бы просветителем, замечает Плеханов, если бы не держался того убеждения, что историческая работа великих людей становится особенно плодотворной в тех случаях, когда они пользуются своими та-

лантами и своей властью для распространения просвещения»¹.

Плеханов замечает, что у Вольтера встречаются весьма интересные указания на огромное историческое значение таких явлений, как изобретение пороха, и добавляет, что на большое значение таких технических открытий еще чаще указывают Гельвеций, Рейналь и другие.

В России большим успехом пользовались труды французского просветителя Г. Т. Рейналя. Внимание Плеханова привлекает следующий его взгляд: ход развития культуры обуславливается ходом развития торговли. Торговлей занимается третье сословие, и в странах, где она не развернута, нет ни технических искусств, ни нравственности, ни просвещения. В России нет третьего сословия, и это больше всего отличает ее от передовых стран Западной Европы. Пока в России не появится третье сословие, реформа Петра I останется весьма мало плодотворной. Мероприятия, направленные с помощью приглашенных зарубежных ученых на просвещение русского народа, бесплодны. Иностранцы ученые там будут чахнуть, как чахнут иноземные цветы в европейских теплицах².

Рейналь наивно ожидал от правительства Екатерины II осуществления такой экономической политики, которая способствовала бы развитию капитализма в России и вывела бы страну из мертвой точки политического застоя.

Плеханов отмечает, что в России были мыслители, которые во взглядах на будущее страны не испытывали влияния исторического идеализма. Он имел в виду В. Г. Белинского, доказывавшего, что сделать серьезный шаг на пути к прогрессу Россия сможет только тогда, когда в ней разовьется буржуазия. В этом он почти сходен с Рейналем. Однако Белинский трезво разбирался в реальной обстановке и совершенно не ожидал от Николая I того, что хотел видеть Рейналь в деятельности Екатерины II.

Плеханов все же видит значительное сходство меж-

ду взглядами Рейналя и Белинского, которое заключается в том, что будущая судьба прогресса ставилась ими в самую тесную причинную связь с будущим ходом русского экономического развития.

Плеханов отмечает, что «Многотомный труд Рейналя произвел большое впечатление на передовых русских людей последней четверти XVIII века. Его внимательно читал автор «Путешествия из Петербурга в Москву». И, конечно, Рейналю в немалой мере обязан был Радищев...»¹.

Плеханов считал материалистический взгляд Рейналя о провозглашении третьего сословия необходимым предварительным условием успешного распространения знаний, и замечает, что эта мысль не нашла должного отражения в русской литературе XVIII века.

Французский историк Левек совершенно необоснованно придерживался того мнения, что Петра I нельзя назвать гениальным, так как в отношении просвещения России он смог выступить только в роли подражателя. Он считал, что Петр I не уничтожил, а умножил причины, препятствовавшие развитию природных способностей русских. Левек отмечал, что Петр I, сняв с русских длинное платье, наложил на них новые цепи... и без Петра русские сделали бы те же самые шаги по пути просвещения, какие сделаны были ими по его указанию².

Подобные взгляды были наруку недовольным петровскими преобразованиями русским деятелям. Щербатов доказывал, что реформы Петра вредно действовали на нравственность русского народа, под их влиянием изменился русский характер, и была утеряна русская нравственная физиономия.

По мнению Щербатова, Петр I слишком рано ополчился на борьбу с суевением, «когда народ еще был непросвещен», а отнимая суевие у непросвещенного народа, он уподобился садовнику, несвоевременно стригущему ветви дерева. С уничтожением страха перед адом была рассеяна любовь к богу и к святому его закону.

Старый московский быт, по Щербатову, был похож на счастливый быт первобытных народов. Он идеализи-

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 140—141.

² Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 149.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXI, стр. 152.

² Там же, стр. 194—195.

рует допетровскую Русь и отмечает, что в старой Москве никто не стремился к лучшему, так как никто не имел о таковом представления. Молодежь воспитывалась в страхе божьем, в духе послушания родителям и уважения к старшим. Щербатов описывает, как молодые люди каждый праздник приезжали к своим старшим родственникам, чтобы выразить им свое уважение и почтение, и заключает, что все это нарушила петровская реформа, которую он называет «нужной, но, может быть, излишней переменной»¹.

Интересные соображения высказал Щербатов о типах управления государством и об отношении их к делу просвещения. Он считал, что жители страны, в которой утверждалось самовластие, обязаны как можно скорее низвергнуть его, так как для людей сколько-нибудь просвещенных немислимо примирение с ним. Положительной стороной аристократического строя Щербатов считал то, что при нем положительно устроено дело воспитания молодежи.

Против взглядов Левека и Щербатова выступил молодой Н. М. Карамзин. В своих «Письмах русского путешественника» доводы Щербатова он назвал шуткой, вытекающей из отсутствия способности к основательному размышлению.

Карамзин возражает против того, что изменился русский характер и потеряна русская нравственная физиономия: «Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело — быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских и что Англичане и Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек»².

Плеханов считает, что Карамзин неверно понял взгляды Левека, которые отличались глубиной оценки Петра I и человеческим отношением к русскому народу.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 189.

² Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 194.

Карамзин доказывал, что «путь образования или просвещения один для народов, все они идут вслед друг за другом». По мнению Плеханова, Карамзин упускал из виду, что не всегда одинаковы те условия, при которых народы вступают на этот путь. У Карамзина все сводилось к вопросу о платье и бороде. Он заявил: «Петр великий одел нас по-немецки для того, что так удобнее, обрил нам бороды для того, что так и покойнее и приятнее. Длинное платье не ловко, мешает ходить». Плеханов замечает: «Карамзин как будто не прочитал слов Левека о том, что Петр I, сняв с русских длинное платье, наложил на них новые цепи»¹.

Карамзин особенно возмущается соображением Левека о том, что на пути просвещения и образования русские достигли бы успеха и без Петра. Он иронически замечал: хотя бы Петр великий не учил нас, мы бы выучились! Каким же образом? Сами собой? Но сколько трудов стоило монарху победить наше упорство в невежестве. Следовательно, русские не расположены, не готовы были просвещаться².

Плеханов замечает, что этого упрека Левек не заслуживает. Если бы он сказал, что «русские не готовы были просвещаться», то попал бы в смешное противоречие, так как он доказывал, что русские могли обойтись без Петра. Левек выступил против соображения Руссо о том, что Россия не готова была для усвоения цивилизации. Это он считал клеветой на русский народ.

Соображение Левека о том, что русские и без Петра I достигли бы таких же успехов в области просвещения, по мнению Плеханова, основывалось на той уверенности, что стремление к образованию в России действительно чувствовалось и до петровской реформы.

Плеханов отмечает, что Карамзин мог найти эту уверенность Левека лишенной основания, однако ему во всяком случае следовало считаться с ней и внимательнее рассмотреть внутреннее состояние и общественные нужды России в дореформенную эпоху. Он не сделал этого и ограничился тем голословным утверждением, что «и в два века по естественному, непринужденно-

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 195.

² Там же, стр. 195, 196.

му ходу вещей едва ли сделалось бы то, что Государь наш сделал в 20 лет»¹. Карамзин не мог понять того, что именно два века подготовили то, что Петр I сделал за 20 лет.

Взгляд Карамзина Плеханов справедливо считал противопоставлением деятельности личностей естественному ходу вещей.

Плеханов внимательно изучил и детально проанализировал взгляды выдающегося деятеля XVIII века Н. И. Болтина. Он отмечает, что у этого мыслителя действительно встречаются мысли, занимающие почетное место в теории славянофильства. Таков взгляд, по которому Россия ничем не похожа на западноевропейские страны. Это было одним из основных положений славянофильства. Разделяющий этот взгляд мыслитель, конечно, не мог одобрить Петра, хотя Болтин был весьма сдержан и никогда явно не осуждал деятельность Петра I.

Несмотря на это в рассуждениях Болтина чувствуется отрицательное отношение к петровским реформам. Это Плеханов подтверждает большим количеством примеров. Из них мы выделим вопросы, связанные с просвещением.

Многие русские историки разделяли мысль о том, что московское правительство запрещало иностранным ученым приезжать в Россию, а русским ездить за границу для своего просвещения. Этот взгляд берет начало от Леклерка.

Болтин выступил против этого соображения и указал, что зарубежным ученым никогда не был запрещен въезд в Россию. Что же касается отъезда русских за границу, то для запрета, по мнению Болтина было конечно достаточное основание: чтобы извлечь пользу из заграничных поездок, требовался «зрелый разум и утверждение в отеческом законе и нравах. Людям молодым, ненадежного ума и поведения, недозволяем был выезд из мудрой предосторожности, чтобы не заразить их вредными новостями»². А какие же эти вредные новости? Ясно, что Западная Европа в своем развитии да-

леко ушла от России. Боязнь передовых идей — вот, что было причиной запрета.

Плеханов считает, что нельзя объявлять Болтина славянофилом без необходимых оговорок, так как он и родственен славянофилам и в то же время существенно отличается от них.

Болтин доказывал: «С тех пор, как юношество свое стали мы посылать в чужие края и воспитание их вверять чужестранцам, нравы наши совсем переменялись; с мнимым просвещением насадились в сердца наших новые пробуждения, новые страсти, слабости, прихоти, кои предкам были неизвестны: погасла в нас любовь к отечеству, истребилась привязанность к отеческой вере, обычаям и проч... и так мы старое позабыли, а нового не переняли и, став не похожими на себя, не сделали тем, что быть желали»¹.

Плеханов замечает, что порчу русских нравов под влиянием западного просвещения Болтин объяснил тою торопливостью, с которой велось дело преобразования. Он явно выражал недовольство тем, что в России захотели за несколько лет проделать то, на что требуются века, «начали строить здание нашего просвещения на песке, не сделав прежде надежного ему основания». Болтин ничего не говорит о том, что он подразумевал под этой фразой. Как отмечает Плеханов, он ограничился указанием на то, что необходимо начать с хорошего воспитания и закончить путешествием².

Болтин одобрял просветительские меры Екатерины II. Исходя из этого, Плеханов замечает, что в этом, воспитанном на наследии энциклопедистов мыслителе очень мало было славянофильского. Хотя мнение о том, что равные петровским реформам сдвиги могли осуществиться лишь в течение «веков», явно указывает на консерватизм Болтина и определенным образом роднит его со славянофилами XIX века.

По мнению Плеханова, от славянофилов Болтина отличает то, что исторический процесс он хотел объяснить с материалистических позиций, тогда как славянофилы с начала до конца были идеалистами. Кроме то-

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 154.

² Там же, стр. 196.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 154—155.

² Там же, стр. 155.

го, у Болтина нет даже намека на противопоставление славян другим народам.

Решающее значение Болтин придавал климату. Он считал, что Россия ничем не походила на Запад, однако это он объяснял не племенными особенностями. Как замечает Плеханов, для Болтина главное дело было в климате, а не в расе.

Плеханов считает сомнительными примеры, которыми Болтин собирался доказать решающее значение климата.

Болтин отмечал, что в результате изменения климата видоизменяются как растения, так и животные. Овцы, попадающие из киргизских степей в Россию, приобретают другую «природу». Негры, переселившись в Европу, становятся белыми, и, наоборот, переселившиеся в Африку европейцы через несколько поколений перерождаются в черных и весь оклад лица получают такой же, каков у местных жителей¹.

Как отмечает Плеханов, из этого рассуждения можно сделать вывод, что изменение климата вызывает весьма значительные изменения в организме растений и животных, и поскольку душа и тело тесно связаны друг с другом, все, что меняет и формирует тело, таким же образом влияет и на душу. Болтин не говорит прямо, что у переселенных в Африку европейцев с почернением кожи чернеет и душа, хотя его рассуждения оставляют весьма туманное впечатление. Это он сам чувствует и пытается подкрепить свою мысль новыми примерами. Болтин заключает, что в южных странах «люди боязливы, ради малого количества крови, по причине чистого воздуха, мыслят живее и поспешнее, в северных же странах жители суть медлительного рассуждения; но к войне способны, крепки, храбры и бесстрашны».

Плеханов отмечает, что в таких выводах и рассуждениях не трудно заметить слабые стороны. Главная задача теории заключается в том, что она должна выяснить, каким же образом обусловленное «чистым воздухом» более живое и поспешное мышление южных народов отражается на ходе их общественного развития и в чем обнаруживается причинная связь «медлительного

рассуждения» и храбрости северных народов с общественным строем и историей северных государств.

Плеханов отмечает, что сторонники решающего значения климата не могут ответить на этот вопрос, так как невозможно дать научное объяснение такой связи явлений, которая в действительности не существует¹.

Плеханов замечает, что если климат имеет главное влияние на наши тела и нравы, то очевидно, что такие важные стороны народной жизни, как «воспитание» и «формирование правления», определяются его действием: тела и нравы, видоизмененные этим действием в известном направлении, непременно вызовут к жизни иную форму государственного устройства и иное воспитание. Кто не признает причинной связи правления и воспитания с климатом, тот не должен признавать влияние климата **главным**, т. е. **преобладающим**. Болтин же признавал это и, как и следовало ожидать, попал в противоречие с самим собою².

Болтин считает, что чувство верности господину ослабло среди городского населения с ростом просвещения. Поэтому он был против образования крестьян, ибо не хотел, чтобы крестьяне имели какое-либо представление о свободе.

Болтин не видел никакой разницы между русским царизмом и французской абсолютной монархией. Не соглашаясь с этим взглядом, Плеханов ссылается на Дидро, который обосновывал превосходство общественного строя Франции перед соответствующим строем деспотической России: в России, в отличие от Франции, власть царя была неограниченной, не существовала личная свобода и т. д.

Плеханов отмечает, что эти рассуждения Дидро Екатерина II назвала болтовней, однако, находясь в западноевропейских государствах, русские сами чувствовали, что там люди жили намного свободнее, чем в России.

Болтин отвергал обвинения Вольтера, Леклерка и других в том, что в верховную судебную инстанцию России люди попадали не по знаниям, а по чинам и происхождению. Он заявлял, что ни в одной стране в судили-

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 157.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 158.

² Там же, стр. 159.

ще люди не попадают только благодаря своим знаниям; знания, талант и способности всегда и везде преклонялись перед степенями, происхождением, богатством и случайностью¹.

По мнению Плеханова, это то же самое, что сказать: «так везде было, так везде будет». В такой проповеди примирения с существующим положением Болтин исходил из интересов своего сословия и из взглядов самой Екатерины II. Он указывал, что в Боярскую Думу попадали и такие, достоинство которых заключалось в знаниях, и ничего не было удивительного в том, что они были гораздо слабее попавших в Думу благодаря богатству и происхождению: при выборах в члены Парламента в Англии «более иногда уважается богатство, нежели знание и способность», — заключает Болтин.

Екатерина резко выступала против объявления России темной страной и доказывала, что старая Русь в отношении просвещения равнялась, а в отношении нравственности опережала страны Западной Европы.

Из представителей передовой русской интеллигенции XVIII в. Плеханов касается и взглядов Ф. Кречетова².

Этот талантливый, но мало известный мыслитель дворянского происхождения начал службу писцом канцелярии. Рассуждая о Кречетове, Плеханов приводит интересные сведения о «домашнем» образовании того времени. Кречетов получил домашнее образование, при котором в качестве учебных пособий, по замечанию Плеханова, служили по старому обычаю псалтырь и другие священные книги.

В дальнейшем Кречетов много читал и строил обширные просветительские планы. Он долго верил, что Екатерина II была одним из тех монархов, которые приносят с собою золотой век, и всячески старался способствовать осуществлению ее просветительских планов.

Убедившийся на собственном опыте в несправедливости правосудия, необходимым условием благополучия народа Кречетов считал распространение юридических знаний и требовал открытия соответствующих школ. Он

¹ Г. Плеханов, Соч., т. XXII, стр. 173.

² Там же, стр. 233.

писал призывы и пытался убедить народ в пользе образования. Кречетов наивно думал, что правительство Екатерины II одобрит его добрые пожелания, и послал прошение Синоду, митрополиту, самой государыне. Кречетов скоро понял, что его вера была лишена всякого основания. В 1793 году на него донесли петербургскому губернатору, будто он неуважительно отзывался об императрице, Сенате и его членах.

Кречетов скептически относился к роли трудящихся масс в истории. О намерении освободить крестьян посредством военного бунта, в котором его обвиняли, Кречетов утверждал, что «и мыслей таких иметь не мог», так как хорошо знает, какие бедствия могут произойти «в общежитии из вольности невежд»: давать невеждам вольность «есть то же самое, что давать детям ножи вместо игрушек... Настоящую силу свободы и грамотные не разумеют, а у нас в народе великая часть грамоте неумеющих»¹. Плеханов считает это типичным скептическим взглядом на роль трудящихся масс в истории.

Значительный след в деле просвещения в XVIII в. оставил Н. И. Новиков. По его мнению, просвещение никогда не сделает больших успехов в России, если будет ограничиваться узкими пределами придворного круга. Просвещение должно глубоко пустить корни в народную почву. Новиков считал бессмысленным надеяться на приглашенных из-за границы ученых и отмечал, что «они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым»². Эти соображения Новиков обосновывает многими историческими примерами.

Плеханов не соглашается с провозглашением Новикова славянофилом, что пытался сделать А. С. Хомяков. В основу своего соображения Хомяков кладет мнение Новикова о том, что оторванные от местных условий, от жизни знания не принесут человеку никакой пользы. Плеханов не видел ничего специфически славянофильского в этом интересном взгляде Новикова и заключал,

¹ Г. Плеханов, Соч., т. XXII, стр. 240.

² Там же, стр. 204.

что подобная мысль встречается также у Ломоносова и Рейналя.

Провозглашать Новикова славянофилом нельзя и потому, что он был горячим поклонником петровских реформ. В жизни старой России Новиков не находил таких ценностей, которые можно было бы противопоставить общественным и идейным влияниям Запада.

Плеханов добавляет, что у Новикова находим характерное историческое соображение о том, почему государи Московской Руси не торопились просвещать свой народ, почему неохотно отпускали они свою молодежь за границу, и т. д. Новиков заявлял: «Не возражай мне, что и в древние времена Россияне свои имели пороки; я скажу тебе в ответ, что все народы во всякие времена имели особые пороки: прочитай со вниманием свою историю, увидишь там варварства еще более, нежели сколько его было в России»¹. В какой-то мере это утверждение верно. Но дело в том, в какой исторический период проявилось это варварство. Крепостничество — варварство. Но к середине XIX века значительная часть Европы была свободна от него, а в России оно было страшнейшим экономически-политическим и идеологическим гнетом.

Плеханов отмечает, что Болтин и Екатерина II рассуждали так же. «Если в других странах было еще больше варварства, то очевидно, что Россию следовало признать самой просвещенной страной, и что не ей должно было учиться у других народов, а другим народам у нее. Но, подойдя вплотную к этому выводу, Новиков сам устранился от него»².

Появление у представителей своеобразного русского среднего сословия потребности в самообразовании и в работе на пользу просвещения Плеханов считает плодом западного влияния, отголоском того, к чему стремилось третье сословие во Франции. Однако он думает, что общественные отношения России к тому времени были еще так неразвиты, что плод оказался до последней степени слабым. Русское мещанство никак не

могло усвоить себе идеологию третьего сословия Франции.

«Мещанство» в России весьма ценило просвещение. Однако оно хотело, чтобы просвещение было старательно очищено от французского «свободомыслия». Эту прослойку очень пугало «вольтерианство» как единственная известная ему форма выражения этого свободомыслия. Это обстоятельство облегчало сближение «среднего сословия» России с мистиками. Кроме того, правда, мещанство стремилось к самообразованию и к просветительской деятельности, однако ввиду крайней бедности, оно не могло найти необходимых для этого средств в собственной среде»¹.

По мнению Г. Тукалевского, к решению просвещать русский народ через книгу Новиков пришел после того, как понял, что неудача его сатирических журналов зависела от произвола власти.

Плеханов отрицает этот взгляд и отмечает, что такую цель Новиков поставил перед собой еще тогда, когда служил в армии. Издание сатирического журнала он считал одним из средств достижения этой цели»².

Плеханов отмечает, что Новикову, выдающемуся деятелю XVIII века, князю и помещику по происхождению, на пути приобретения знаний судьба не улыбнулась, и он остался в этом отношении типичным разночинцем. В 1760 г. Новикова исключили из дворянской гимназии по той причине, что он ленится и пропускал уроки. В 1762 г. Новиков поступил на военную службу и принялся за восстановление пробелов в своем образовании. Он твердо решил и другим помочь в деле самообразования.

Большое значение в деле просвещения России имела издательская деятельность Новикова. Плеханов внимательно прочел составленную А. А. Бахтияровым (1890 г.) историю книги и выписал из нее следующие места: Издательская деятельность Новикова просто поразительна: за какие-то 10—12 лет он опубликовал 455 сочинений (с 1779 г. по 1791 г.) — цифра для нашего времени очень высокая, а сто лет назад она была колоссальной. Они включали все отрасли знаний человечества — исто-

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 305.

² Там же, стр. 306.

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 321—322.

² Там же, стр. 324.

рию и классическую литературу, географию, естествознание и медицину. Кроме того много беллетристики — переводной и оригинальной. Две трети всех изданий Новикова были сочинения общественного и одна треть — религиозно-нравственного содержания¹.

В посвященной специально Белинскому статье Плеханов отмечает, что вера этого мыслителя в осуществление правительством полезных для просвещения мер не могла время от времени не сменяться полным скептицизмом, так как каждый новый день приносил с собой новые факты, показывающие полную неосновательность его веры. Успехи просвещения не могли удовлетворить юношу, проникнутого «абстрактным героизмом». Такому юноше нужны были несравненно более «героические» перспективы, а их-то и не открывала русская общественная жизнь»². Надо сказать, что Плеханов не всегда помнил, в какой период жизни высказывал Белинский те или другие свои мысли и идеи.

Чернышевский считал, что развитие поэзии всегда происходит параллельно с развитием жизни и просвещения. Плеханов, решительно отрицая это мнение, указывает, что жизнь и просвещение Франции XVIII века далеко опередили жизнь и просвещение этой страны в XVII веке, однако Корнелий и Рассин как художники стоят несравненно выше, чем Вольтер; Английский театр в эпоху Шекспира был несравненно выше, чем в XVIII веке, тогда как в период времени между этими эпохами жизнь и просвещение в Англии необыкновенно двинулись вперед. Плеханов считает неправомерным весьма характерный для «просветителей» всех стран взгляд о том, что все остальные стороны сознательной и общественной жизни народа всегда прямо пропорциональны успехам просвещения. В действительности историческое движение человечества представляет собой процесс, в котором успехи какой-либо одной стороны не только не предполагают пропорционального успеха всех других сторон, но иногда обуславливают даже упадок некоторых из них. В конце XVIII века буржуазия во Франции пока еще выступала как полный умственной и

нравственной энергии класс, однако созданная в это время буржуазией поэзия отставала по сравнению с тем, чем она была раньше, в условиях менее развитой общественной жизни.

Для того, чтобы проиллюстрировать, какую службу сослужило Плеханову материалистическое понимание истории, сравнительно подробно рассмотрим причины европеизации России.

Домарксовские историки к вопросу европеизации России подходили с точки зрения исторического идеализма и объясняли его особой любовью правящих кругов к просвещению. По их мнению, Россия стала учиться у Запада в силу того, что она осознала пользу просвещения. В результате этого начались поездки за образованием на Запад и приглашение иностранцев в Москву для обучения русской молодежи. Подобные взгляды Плеханов счел «наивным школярством».

Плеханов проанализировал причины неизбежной европеизации России с позиций исторического материализма. В одной из глав монографии «История русской общественной мысли» «Поворот к Западу»¹, основной причиной этого явления он считает то, что России приходилось защищать свое существование как от азиатских, так и от европейских захватчиков, и в каждой схватке с европейцами она со всей остротой чувствовала превосходство европейской военной техники.

Учиться у европейских государств в России начали с овладения военным искусством, так как в этом Россия испытывала необходимость. Нужно было преобразовать армию, а это было связано с определенными расходами. Нужные для этого средства Россия могла получить двумя путями: займом у европейских государств и овладением знаниями, которыми располагали европейские страны в области рационального использования природных богатств.

Плеханов заостряет внимание на том, что некоторые буржуазные историки избежали метафизики, отбросили неуместную «педагогическую точку зрения» и приблизились к материалистическому пониманию истории.

Таким Плеханов считал выдающегося буржуазного

¹ Шифр: т. 112, Инв. № 5629, стр. 38.

² Г. Плеханов, Соч., т. XIII, стр. 130.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XX, стр. 246.

историка С. М. Соловьева, который европеизацию России объяснял военными и экономическими потребностями страны.

Труд Плеханова мы рассмотрим именно в этом аспекте и на социально-экономических взглядах С. М. Соловьева остановимся настолько, насколько это будет необходимо для нашей цели.

Плеханов начинает с указания на то, что с начала XVII века и в течение столетия, следовавшего за смутой, внутренние отношения Московского государства все более становились похожими на соответствующие отношения великих деспотий Востока. Развитие общественно-политического строя северо-восточной России, подобно деспотиям Востока, вызвало замедление роста производительных сил России и инертность ее хозяйства.

Подобное развитие общественного бытия России не могло не отразиться на ходе развития русской общественной мысли.

Плеханов обращает внимание на то, что в течение того же времени совершался сначала весьма медленный, а затем все более быстрый поворот Московского государства к Западу. Следовательно, как говорит Плеханов, Московская Русь стала поворачивать к Западу как раз в такое время, когда она по характеру своих внутренних отношений более чем когда-нибудь сблизилась и продолжала сближаться с Востоком.

Плеханов уделяет этому своеобразному явлению особое внимание.

Он спорит с Покровским, который считал, что многие из предшественников, в том числе и Соловьев, в вопросе европеизации России держались неуместной педагогической точки зрения. Покровский передает взгляд основоположника этой точки зрения А. Брикнера: «Россия начала учиться у Запада потому, что сознала, наконец, пользу просвещения. Русские стали ездить за границу... иностранцы стали ездить в Москву — так как речь шла о просвещении, то из иностранцев на первый план выдвигались врачи, аптекари, художники и техники всякого рода: мало-помалу началось «культурное взаимодействие», благополучно приведшее при Петре I к тому, что московские дикари, сббив волосы,

естественно росшие у них на подбородке, увеличили запас волос на голове большой искусственной накладкой в виде кудрявого, волнистого парика. В то же время они построили флот и завели сначала элементарные школы, а потом и Академию наук, после чего в Россию стали приезжать не только аптекари и врачи, но и светила европейской науки»¹.

Таковы были взгляды Брикнера, которые Плеханов называл «наивным школярством». Он указывал, что действительно существуют некоторые исторические материалы, на основании которых писатели могли предположить, что московские правители приглашали западных мастеров именно из любви к просвещению. Например, в грамоте царя Михаила от 1639 г. говорится о глубоких знаниях иностранца Адама Олеара в области астрономии, географии и во многих других премудростях и искусствах, вследствие чего он считался весьма приятным великому государю человеком. К подобной же ошибке могли привести писателей и такие мероприятия, как перевод с латинского на русский язык картографического сочинения, осуществленный в 1637 г. по указанию того же царя.

Плеханов соглашается с мнением Покровского, который считает историческим идеализмом то, что одна страна начинает учиться у другой по той простой причине, что убеждается в пользе просвещения. Плеханов считал это именно историческим идеализмом, типичным взглядом просветителей XVIII века. Справедливым считает он и то соображение, что многие писатели, исследовавшие вопрос об европеизации России, были идеалистами. А. Брикнер до самой смерти стоял на идеалистических позициях. Однако Плеханов не соглашается с Покровским в приписывании идеалистам взгляда Брикнера:

«...так как речь шла о просвещении, то из иностранцев на первый план выдвигались врачи, аптекари, художники, техники всякого рода...»

Плеханов замечает, что аптека и техника относятся к сфере материализма, исторический же идеализм на первый план выдвигает не технику, медицину и аптеку, а человеческую «мысль».

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 247.

Плеханов не соглашается с оценкой М. Н. Покровского заслуг С. М. Соловьева. Он считает, что С. М. Соловьев действительно часто платил дань историческому идеализму, однако в вопросе об европеизации России Соловьев очень далеко ушел от «наивного школярства» просветителей, так как наиболее глубокую причину поворота России к Западу он искал в экономических нуждах страны.

Плеханов доказывает, что в своем исследовании процесса европеизации России Соловьев был близок к тому пониманию истории, согласно которому не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет сознание.

Правда, М. Н. Покровский сам признает, что скоро русские историки перестали довольствоваться уподоблением Московской Руси гимназическому классу и увидели себя вынужденными «искать конкретных, обязательных корней европеизма в московской почве. Но и эти поиски он считает весьма неудачными»¹.

Объяснение европеизации военно-финансовыми нуждами Покровский объявил повисшими в воздухе. Он доказывал, что в результате попыток избавиться от «наивного школярства» Соловьев попал в плен «туманной метафизики».

В указании на то, что борьбу за свое существование Москва начала с освоения западноевропейской техники, Плеханов не видит никакой метафизики. «Мы знаем, — пишет Плеханов, — что уже Иван III приглашал в Россию иностранных мастеров. Если бы мы сказали, что он поступал так из любви к просвещению, то мы сделали бы ту методологическую ошибку, которую осмеивает М. Н. Покровский. Но мы так не скажем, потому что мы знаем от русских историков, какими «конкретными, осязательными» нуждами вызвана была любовь великого князя к просвещению»².

Постройку Успенского Собора Иван III поручил сначала местным каменщикам, но те оказались неискусными. Стены в процессе строительства рушились и построить Собор не удавалось. Видя это, Великий князь был вынужден обратиться в Венецию и пригласил венециан-

ского мастера Аристотеля Фиораванти, который прибыл в Москву в 1475 г. Он вскоре закончил постройку Собора. В России использовали этого мастера и для других работ. Фиораванти в Москве чеканил монету и лил пушки.

По мнению Плеханова, тут все ясно и осязаемо. Ясно, что мастера пригласили в Москву не из-за любви к просвещению, а потому, что государству нужны были каменные постройки, пушки, нужна была монета... Ясно и то, что пригласить иностранца решили после того, как Иван III убедился в непригодности местных мастеров. Такие случаи в московской действительности были нередки: во время царствования Ивана Грозного Россия добилась немалых побед как на Востоке, так и на Юго-Востоке, однако в схватке с западными соседями он потерпел поражение. Ясно, Ивану Грозному нетрудно было убедиться в том, что причиной этого поражения было преимущество военной техники Запада.

Так же легко было убедиться в том, что приглашенные специалисты, благодаря их научным знаниям, явно превосходили местных. Плеханов считает необходимым отметить и то, что московские правители не только недостаточно понимали огромное значение различных наук, но имели настолько смутное представление о науках, что часто искажали даже их названия (астрология, географус и т. д.). Одним словом, они были далеки от мысли о проведении серьезных практических мероприятий с целью распространения в государстве естественных наук.

Однако на этот раз Плеханов не принял это во внимание, он заинтересовался указанием на определение сознания бытием: конкретные экономические нужды страны заставляли московских государей обращаться к иностранным мастерам, близость же с этими мастерами убеждала их в том, что государству необходимы и теоретические знания. Именно на это и указывал С. М. Соловьев.

Плеханов заключает: «...научное объяснение исторического процесса становится возможным только тогда, когда исследователи сознательно или бессознательно переходят на почву материализма. Однако поле зрения исторического материализма не ограничивается одной экономикой. В него не только входит, но непременно дол-

¹ Г. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 249.

² Там же, стр. 246.

жна входить вся та «надстройка», которая, возникая на экономической основе, всегда имеет более или менее сильное обратное влияние на нее. Если бы материалист не захотел принимать во внимание это обратное влияние, то он тем самым изменил бы своему собственному методу»¹.

Плеханов отмечает, что первые попытки России освоить западную технику вызвали большое возмущение западных соседей. Польский король Сигизмунд-Август в письме к английской королеве Елизавете говорил о том, что овладение западной техникой «сделает Россию опасной. За подобное здравое отношение и оценку явлений Плеханов считал польского короля таким же умным практиком, какими были сами российские государи, которые поняли, что для усиления мощи страны необходимо было владеть достижениями техники западноевропейских стран.

Таким образом, Плеханов убедительно доказал, что экономические нужды быстро развивающейся страны определили просветительную политику, победившую в Московском государстве.

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XX, стр. 256.